

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский

Максим Владимирович БРАТЕРСКИЙ

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Америки Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117997,

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация;

профессор Факультета мировой экономики и мировой политики, ведущий научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: bratersky@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2966-0056

Георгий Игоревич КУТЫРЕВ

кандидат политических наук, научный сотрудник Департамента международных отношений

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

119017, ул. Малая Ордынка, д. 17, Москва, Российская Федерация

E-mail: kutyrevgeorge@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5580-8822

ЦИТИРОВАНИЕ: Братерский М.В., Кутырев Г.И. (2019) Россия между двух систем: перспектива транзита из Атлантического мира в мир Евразийско-Тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 220–240. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Статья поступила в редакцию 30.10.2018.

Данная статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-014-00038 «Архитектура безопасности в Большой Евразии: состояние, перспективы и возможности для России».

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется политика России с точки зрения формулируемых правительством целей в ответ на вызовы в области международной политики, экономики и безопасности, а также на вызовы, связанные с

угрозой потери статуса великой державы, сохранением территориальной целостности и независимости. Недовольство России существующим порядком вещей – когда ее интересы не принимались во внимание, а Запад не уста-

навливал для себя никаких ограничений, продвигая свои геополитические интересы – нарастало уже давно, однако ярче всего проявилось в рубежном 2014 г., когда западные санкции после крымских событий подтолкнули российские власти и бизнес к более активным действиям в АТР.

Авторы формулируют ряд признаков нового регионального порядка стран АТР, который, возможно, разовьется в новый международный (глобальный) порядок. Такой тип системы, по мнению авторов, будет более конкурентным и менее иерархичным, в его рамках не будет существовать единственной доминирующей силы или идеологии, он будет основан на множестве центров силы. Такой мировой порядок более привлекателен для России, нежели однополярный Атлантический порядок. Он даст стране возможность использовать такие собственные сравнительные преимущества, как территория, ресурсы, жесткая сила, достаточно ригидная политическая организация и возможность мобилизовать ресурсы для стратегических целей. Тем не менее важно понимать, что пока современный западный мир очень аморфен, его будущие контуры размыты, а азиатский бизнес слабо откликается на российский «поворот на Восток».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Россия, российский Дальний Восток, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, региональная безопасность, национальный интерес, вызовы и угрозы, «поворот на Восток»*

На сегодняшний день (2019 г.) эксперты продолжают спорить об успешности российской политики «поворота на Восток». Одни считают, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), ка-

ким он виделся нам еще вчера, «шатается и расшатывается» буквально на глазах – как и вся международная система, важнейшим узлом которой его считают. Другие более оптимистически смотрят на политику России на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе: «В Азии же – бездонные рынки. И сближение с ней не угрожает суверенитету и системе ценностей большинства россиян. За ней будущее. Для того чтобы двигаться к Азии успешно и эффективно, необходимо знать ее» [Караганов 2018].

Авторы данной статьи, не претендуя на глубинное изучение восточной проблематики, постарались в сжатой и доступной форме описать современную архитектуру международных отношений и стремление России переосмыслить и определить свое место в ней, а также рассмотреть возможность формирования нового незападного мирового порядка.

Для России значение Азиатско-Тихоокеанского региона в ее стратегии и планах развития традиционно определялись возникающими в нем вызовами безопасности и частично – экономическими соображениями. Именно обеспечение безопасности в регионе традиционно выступало в роли первостепенного приоритета, а экономические соображения, как правило, находились на втором плане.

На протяжении XVII–XVIII вв. Россия выдвинулась на Дальний Восток в условиях существовавшего там относительного вакуума государственности, с целью его заполнить. «Сибирь оказалась огромным территориальным приобретением, превратившим Россию в одно из крупнейших по площади государств быстро менявшегося мира. Основная ее ценность состояла в том, что она явилась колоссальным источником такой востребованной на внешнем рынке статьи экспорта, как пушни-

на» [Шведов 2011, с. 58–59]. Однако русские казаки¹ и купечество рассчитывали лишь на извлечение быстрой выгоды от торговли мехами и не планировали осесть на этих территориях. В итоге сложилось так, что Россия оказалась чрезмерно вовлеченной в процесс территориальной экспансии и была не в состоянии колонизировать новые территории ввиду нехватки ресурсов. Поэтому была вынуждена покинуть уже занятые территории (речь идет об Аляске и Калифорнии) [Ilyin 1975].

В конце XIX – начале XX в. политика России на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе была продиктована сложным международным положением, связанным с борьбой сильнейших держав (США, Япония, Корея, Китай и Англия) за сферы влияния и новые рынки, в которую была втянута и Россия; развязыванием военных конфликтов в регионе (русско-японская война, Первая мировая война); территориальными притязаниями; экономической, социальной, культурной и духовной экспансией на российские территории Дальнего Востока, включая нерегулируемые миграционные потоки при несовершенной системе охраны границы и др.

Эти и другие вызовы, стоящие перед Россией, привели к усилению акцента российской политики на обеспечении безопасности: развитию Тихоокеанского флота, строительству портов и военно-морских баз.

Необходимость создания единой надежной системы коммуникаций и логистики в условиях военной угрозы со стороны Японии, включая транспортные ветки, параллельные российско-китайской границе, придала приоритетное значение строительству

Байкало-Амурской железной дороги (1938–1984), крупнейшему инфраструктурному проекту в Сибири и на Дальнем Востоке [Карпова, Мироненко 2009]. БАМ должен был стать вторым, более коротким по сравнению с Транссибом, выходом к Тихому океану. Этот проект был реализован только в 1970–1980-х гг., поскольку первопроходцам трассы в 1920–1930-е гг. помешала война и связанные с ней огромные материальные и людские потери.

Новым периодом внимания к Дальнему Востоку и Сибири можно считать начало 1960-х гг., когда между СССР и Китаем наметился очевидный раскол. Основная часть деятельности СССР на Дальнем Востоке в этот период также была связана с задачей укрепления безопасности восточных рубежей страны.

В течение 1970–1980-х гг. СССР начал новый этап индустриализации и сделал Дальний Восток и Сибирь приоритетами советских программ освоения регионов: «возведение гидроэлектростанций, ЛЭП и атомных электростанций, освоение нефтегазового комплекса, строительства БАМа <...> Вместе с тем приоритетное внимание к отраслям военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов усугубляло деформации в структуре промышленности» [Некрылов, Луков 2012, с. 20], не хватало рабочей силы, и планы экономического развития Дальнего Востока остались во многом нереализованными.

В середине 1980-х гг. СССР сделал попытку сформировать некую политическую стратегию в отношении АТР, что проявилось в речи М.С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г. [Хроника внешнеполитических событий 2010]. Советский лидер говорил о восстанов-

1 Служилое казачество Зауралья представляло собой иррегулярные вооруженные силы, первоначально децентрализованные по принципу отдельных отрядов, но при этом подчиненные государственным органам управления.

лении нормальных отношений с Китаем и создании в АТР всеобъемлющей системы безопасности. Впрочем, дезинтеграционные процессы в СССР помешали стране сколько-нибудь полно политически встроиться в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Восточная политика России до середины 1990-х гг. была практически заморожена во многом из-за политики того времени, провозгласившей идею стратегического союза России и США и предполагавшей постепенную интеграцию России в западное сообщество. Лишь ко второй половине 1990-х гг. Российской Федерации удалось добиться определенного прогресса в отношениях с некоторыми странами АТР. В декабре 1998 г. в Дели Е.М. Примаков выдвинул идею создания стратегического треугольника Россия–Индия–Китай. Впоследствии премьер-министр обмолвился, что это предложение не носило официального характера, но со временем вопрос о новом «тройственном союзе» постепенно «занял заметное место в дискуссиях по вопросам международной и региональной политики» [Мареева 2012, с. 214]. «Шанхайская организация сотрудничества имеет очень хорошие перспективы, главным образом, потому, что в ней участвуют и Россия, и Китай. <...> Действительно, треугольник – Россия, Китай, Индия – имеет большое значение» [Панина 2009], – вспоминал Е.М. Примаков в своем интервью с Российской газетой в 2009 г.

Таким образом, в конце 1980-х – 1990-х гг. в российской политике на Дальнем Востоке наметился важный концептуальный поворот: впервые за столетия Россия начала мыслить региональными категориями и сделала первые шаги к тому, чтобы рассматривать восточные территории страны не только с военно-стратегической точки зрения и как важный источник ресурсов,

но и как часть многостороннего регионального порядка. Такое видение постепенно завоевывало позиции в российском руководстве, и к началу 2000-х гг. в «Концепции внешней политики» [Концепция внешней политики 2000] Россия констатировала, что для политики страны восточное направление приобретает возрастающее значение. Во главу угла была поставлена задача экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, а партнерство с ведущими азиатскими странами – Китаем, Индией, Японией было определено как средство достижения этой цели. Особое значение при этом имела дальнейшая активизация России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона – форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», региональном форуме Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по безопасности (АСЕАН), в сформированной по инициативе России в апреле 1996 г. «шанхайской пятёрке».

В российских политических кругах все больше сторонников стала приобретать идея кардинального пересмотра подходов по взаимодействию с государствами АТР. Общеизвестным сделалось то, что XXI стал веком Азиатско-Тихоокеанского региона [Лукин, Иванов 2010; Гурин 2015; Колотон 2016], и в регионе имеются благоприятные возможности для того, чтобы Россия могла не только на приемлемых для себя условиях интегрироваться в мировую экономику, но и получить возможность выстроить собственный геополитический проект.

В это же время в России сформировалось осознание того, что политика, направленная на интеграцию с Западом (точнее, в Запад), себя исчерпала. Поворотной точкой в этом вопросе принято считать известную речь В.В. Путина в Мюнхене [Путин 2007],

но анализ стратегических документов российской политики показывает, что такого рода поворот совершался постепенно, в течение достаточно длинного отрезка времени. Так, если Концепция национальной безопасности России 1997 г. видела решение проблем страны в «более широкой интеграции Российской Федерации в мировую экономику, расширении сотрудничества с международными экономическими и финансовыми институтами» [Об утверждении Концепции национальной безопасности 1997], то в 2006 г. президент России уже говорил о том, что «Россия в целом должна нести соразмерную своему положению и возможностям ответственность за глобальное и социально-экономическое развитие» [Путин 2006].

Учитывая нарастающие противоречия с Западом начиная с 2008 г. в результате грузино-российского конфликта, интеграция в Тихоокеанскую региональную систему через Дальний Восток рассматривается российским политическим руководством как способ уйти от правил игры, определяемых НАТО и ЕС, которые препятствуют продвижению России к приемлемым и желаемым политическим и экономическим позициям. «Закономерно, что азиатско-тихоокеанское направление является одним из ключевых приоритетов во внешней политике России» [Лавров 2012], – замечает в своей статье министр иностранных дел С.В. Лавров. «Сегодня мы наращиваем курс на усиление вовлеченности в разворачивающиеся на восточноазиатском пространстве процессы политико-экономической кооперации и интеграции. Это – долгосрочная

линия, реализация которой носит последовательный и системный характер» [там же].

Россия рассчитывает на то, что новый виток интеграции в Азии будет проходить на неидеологической основе и тем самым обойдет препятствие, подорвавшее первую попытку интеграции (в Запад) и состоявшее в том, что «русские ценности и ценности евроатлантического Запада несовместимы» [Mankoff 2015, p. 258]. Россия работает над развитием институтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе; в контексте этого приоритетного направления внешней политики Россия провела саммит АТЭС в 2012 г. Вторым по значимости приоритетом России должно стать участие в развитии архитектуры безопасности в АТР. В отсутствие устоявшейся архитектуры безопасности Россия может рассчитывать на то, что она займет весомое место в новом режиме безопасности АТР и будет иметь свободный доступ на рынки в отсутствие в регионе исключительных экономических блоков. Россия также надеется, что поворот в сторону Дальнего Востока интегрирует страну в растущие энергетические рынки региона.

В 2014 г. Россия заявила о «повороте на Восток»: символом новой политики стали российско-китайские переговоры 20–21 мая 2014 г., по итогам которых было принято Совместное заявление и подписан пакет документов о сотрудничестве, в том числе контракт о строительстве газопровода «Сила Сибири»². Согласно данным «Газпрома», договор с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) заключен сроком на 30 лет

2 Протяженность – около 3000 км, диаметр – 1420 мм, рабочее давление – 9,8 МПа, экспортная производительность – 38 млрд куб. м в год, трасса газопровода проходит по территориям трех субъектов РФ: Иркутской области, Республики Саха (Якутия) и Амурской области.

и предполагает поставку в КНР 38 млрд куб. м газа в год. Начало поставок – 20 декабря 2019 г. [Сила Сибири 2019]. Следует отметить, что ряд экспертов считает этот проект нерентабельным [Подобедова, Дзядко 2018; Прокопьева 2018] и что он является скорее политическим, нежели экономическим [Лобыкин 2014].

Тем не менее авторы считают, что для России поворот на Восток означает стратегическую возможность принять участие в формировании нового многостороннего порядка вне колеи европейской политической и экономической традиции и начать все заново. В определенном смысле, АТР может рассматриваться для России как второй шанс.

Позиция России в Западной системе

То, что многие сегодня называют мировым порядком, является системой институтов и режимов, политических и экономических, созданных на основе американской политической гегемонии после Второй мировой войны [Keohane 1984; Gilpin 1987]. Следует отметить, что Россия никогда по-настоящему не была частью «либерального» мирового порядка, выстроенного Соединенными Штатами и солидарно мыслящими зависимыми западными государствами. До начала 1990-х гг. этот порядок и вовсе не был всемирным – у России (СССР) и у Китая были свои проекты. После развала СССР и социалистического лагеря Россия пыталась вписаться в американоцентричный мир. Как замечает в своей книге Д. Тренин, «...главным политическим лозунгом отечественных либералов и демократов конца 1980-х – начала 1990-х гг. был лозунг интеграции: Россия должна была стать “нормальной” – или, как бы-

ло принято тогда говорить, “цивилизованной” – страной, частью международного общества (иначе говоря, Запада), полноправным (т.е. одним из ведущих) участником его важнейших институтов...» [Тренин 2006, с. 18–19]. Однако к концу 1990-х гг. стало ясно, что эта задача на данном этапе практически невыполнима.

Причины таких фундаментальных различий лежат как во внутренних источниках российской внешней политики, так и во внешней среде, которая ее сформировала и трансформировала. Можно искать причины неудач в интеграции в Запад внутри самой России, в особенностях ее политического и экономического режима, но нельзя не видеть и то, что отказ США и Европы интегрировать Россию в западный мир на приемлемых для нее условиях стал главным толчком к пересмотру ее внешнеполитической стратегии. Так, А. Рар отмечает, что «...России фактически предлагалась роль младшего партнера. Предполагалось, что она будет играть по правилам Запада и с течением времени через разного рода ассоциации шаг за шагом приближаться к Европейскому Союзу и НАТО. Все это привело к тому, что произошло полное отчуждение. К сожалению, уже не только на уровне политиков, но и на уровне элиты, а также на уровне населения» [Рокоссовская 2016].

Несовместимость западного и российского понимания интеграции России в «Большой Запад» присутствовала в российско-американских и российско-европейских (России и ЕС, прежде всего) отношениях с самого начала. В политической области Запад считал Россию проигравшей в холодной войне державой и не признавал за ней прав ни на интересы безопасности, ни на рынки, которые у России методично отбирались. В экономической сфере Запад подталкивал глубоко-

кую интеграцию России в мировую экономику на неоллиберальных принципах, выдавливая из традиционных рынков Центральной Азии и Восточной Европы, превращая Россию в экономическую полуколонию, технологически и финансово зависимую от Запада [Братерский 2018, с. 99]. В идеологической области Запад упрочил видение модели либеральной демократии как единственно возможной формы общественного и государственного устройства с применением штрафных санкций относительно тех, кто ее не придерживается. Это отнюдь не означает, что либерализм западного толка как идеология стремится сохранить все в точности «как есть», но означает, что в своей нынешней доминирующей форме он отвергает любые идеи (в том числе предлагаемые Россией) фундаментальной трансформации действительности.

Россия постучалась в «либеральный» мировой порядок поздно, когда он уже был сформирован и роли в нем были полностью распределены, и имея в руках активы, которыми не позволялось владеть никому, кроме самих американцев (ядерное оружие, геополитическое влияние), либо ставящие ее в подчиненное положение по отношению к западному миру (нефть может быть российской, но торгуется она через системы западных институтов за чужую валюту).

Россия не была допущена к полноценному участию в существующих институтах и не смогла самостоятельно развить собственные институты, например финансовые, сравнимые по эффективности с американскими или британскими; она также не смогла создать систему инноваций и коммерциализации, сопоставимую с американской, и не создала правовую и нормативную систему, как это сделали британцы. Маловероятно также, что Рос-

сии удастся стать нормотворцем в международной торговле или доминировать в мире в области массовой культуры. Речь не может идти и о том, чтобы стать мастерской мира, подобно Китаю. По целому ряду причин, среди которых необходимость контролировать большую территорию, относительная слабость внутреннего рынка, наличие центростремительных сил [Pipes 1997]; Россия вынуждена обеспечивать значительное государственное участие в экономике, что обеспечивает российскую безопасность и геополитические потребности относительно хорошо, но делает страну неконкурентоспособной в рамках правил ВТО–МВФ.

Россия демонстрирует слабые места в областях, составляющих основу Атлантической (западной) системы (финансовые институты, правовые институты, система инноваций и коммерциализации, способность осуществлять внешнюю политику для национального обогащения), и не использует традиционные сравнительные преимущества России в глобальной системе (территория, ресурсы и жесткая власть), потому что западная система не признает их ценности или резервирует их исключительно для себя.

Вместе с тем Россия все более недовольна существующей в Европе и в Атлантике в целом архитектурой безопасности, которая ее исключает, и стремится таковую перестроить, исходя из своих интересов. Не вписывается в «либеральный мир» и сформировавшееся в стране общественное сознание: большинство россиян считают, что их страна вернулась к статусу великой державы и, соответственно, должна иметь независимую роль в мире, а не играть по правилам, которые были установлены без ее согласия и в основном не в ее интересах.

В системе, возглавляемой США, противодействие со стороны западных

выгодоприобретателей от системы, с одной стороны, и неспособность России построить устойчивую, динамично развивающуюся экономику, независимую от государственного сектора, с другой, необходимость отвлекать ресурсы для территориального контроля от экономического развития и обогащения делает страну неудачницей, которая не может подняться в рамках существующей системы правил. Важным препятствием для интеграции является крайняя идеологизированность Запада, а также его недоговороспособность, вызванная внутренними конфликтами и размежеваниями.

Является ли эта система единственной возможной? Действительно ли она глобальна? Или можно создать другой международный порядок, построенный на основе других правил и который был бы более удобным для России?

Новый международный порядок через Азиатско-Тихоокеанский регион

Сомнения в отношении эффективности и устойчивости американоцентричного либерального мирового порядка проявились более 20 лет назад, когда политики еще его превозносили, а ученые писали об окончании истории [Fukuyama 1992]. Р. Кохейн рассматривал как неустойчивую перспективу мирового порядка, который основывается на господстве одной-единственной страны [Keohane 1984]. Д. Миршаймер указал на недостатки международных институтов [Mearsheimer 1995], которые не могут компенсировать механизм баланса сил в международных отношениях. Дж. Най отмечал, что либеральный порядок «был в значительной степени ограничен группой единомышленников, сосредоточенных на Атлантическом побережье, <...> и <...> не включал

многие крупные страны, такие как Китай, Индия и страны Советского блока» [Nye 2017]. Этот порядок был универсализирован и глобализирован на протяжении веков в результате преобладания его основополагающих наций в военной сфере и в сфере технологий над незападными странами через механизм колонизации [Караганов 2017].

Кстати, «либеральный» порядок служит хорошим примером того, как региональная система была трансформирована в глобальную из-за неравномерного распределения власти между странами. В своей недавней книге «Мировой порядок» Киссинджер писал: «Универсального мирового порядка никогда не существовало. То, что происходит в наше время, было разработано в Западной Европе почти четыре столетия назад на мирной конференции в германском регионе Вестфалия, проводимой без участия или даже информирования большинства других континентов или цивилизаций <...> За пределами Западного мира регионы, которые не участвовали в выработке этих правил, <...> ясно дали понять, что они будут работать над их изменением» [Kissinger 2015].

В наши дни распределение власти в международной системе снова меняется, маятник начал двигаться в направлении незападных стран. АТР является регионом больших экономических возможностей: Восточная Азия продолжает быть локомотивом мировой экономики, генерируя около 60% мирового ВВП (три четверти которого приходятся на Индию и Китай) [Regional Economic Outlook 2018]. Из-за перетока силы и богатства из Европы в Азию и из Атлантики на Тихий океан мировой потенциал системы традиционного Запада уменьшается, а глобальная роль Азиатско-Тихоокеанского региона возрастает [Davison 2018]. Благодаря этому сдвигу сил Азиатско-Тихоокеанский

регион наращивает потенциал для глобального нормотворчества, и со временем можно ожидать, что правила, разработанные в Азиатско-Тихоокеанском регионе, будут универсализованы, заменят старые или будут сочетаться с правилами предыдущего Атлантического порядка.

Это долгий процесс, и Азиатско-Тихоокеанский регион придет к своей новой глобальной роли различными путями. Например, П. Кеннеди предсказал, что баланс военной мощи изменится в ближайшие 20–30 лет, создав по-настоящему многополярный мир в 2009 г. [Kennedy 1987]. С. Хантингтон настаивал на том, что мир «сейчас проходит через одно или два одно-мультipoлярных десятилетия, прежде чем он вступит в поистине многополярный 21-й век» [Huntington 1999]. Хотя некоторые политики придерживаются противоположного мнения (Стратегия безопасности, 2017), эксперты все чаще полагают, что мир является свидетелем начала новой эры в международных отношениях [Wæver 2017, pp. 452–476]. В 2008 г. в докладе «Глобальные тренды» Совета национальной разведки США говорилось, что «к 2025 году международная система будет носить глобальный многополярный характер» [Global Trends – 2025, 2008].

Однако архитектура развивающейся международной системы неясна, и сегодня видны несколько перспектив будущего международного порядка: Ачарья настаивает на «мультиплексии» [Acharya 2017], М. Мазарр на «смешанном порядке» [Mazarr 2017], Р. Хаас на «неполярности» [Haass 2008].

Центральной особенностью Азиатско-Тихоокеанского региона, по сравнению с Атлантикой, является отсутствие или слабость общерегиональных институтов. А. Богатуров отмечал, что в АТР преобладает «пространственный» экономический порядок (spatial

economics), который противопоставляется традиционному лидерскому политическому [Богатуров 1997]. Это положение можно интерпретировать так, что в АТР невозможна гегемония одной из держав и, следовательно, формирующийся там порядок будет более открытым, менее жестким, допускающим участие в нем разных стран с разными формами политической и экономической организации.

Там не существует таких крупных организаций безопасности, как НАТО, нет и единого всеобъемлющего экономического института [Hemmer, Katzenstein 2002, pp. 575–607]. В отличие от Атлантического региона, в Азиатско-Тихоокеанском регионе доминирует национализм, отсутствует объединяющая религия и культура, а политические разногласия усугубляются экономической конкуренцией между его членами. Экономике стран региона во многом схожи и не всегда дополняют друг друга. Многие народы по-прежнему заняты своим государственным строительством, что делает невозможным делегирование суверенной власти наднациональным органам. Однако, по мнению Л.Н. Гарусовой, «есть все основания ожидать, что в перспективе тенденция к повышению значимости многосторонних отношений в регионе (в том числе и с участием РФ) заметно усилится <...> Особенности интеграционных процессов в АТР объективно создают для России весьма благоприятные экономические и политические возможности для регионального сотрудничества» [Гарусова 2010].

Новый региональный, а затем, возможно, и глобальный порядок, рожденный в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отличается от Атлантического и будет вносить значительный элемент конкуренции в отсутствие гегемонии одной из держав. Он будет по край-

ней мере частично основан на принципах суверенитета и баланса сил и может представлять собой одну из версий многополярности. По своей архитектуре он будет напоминать венскую «Систему Европейского концерта», когда ни одна из держав полностью не преобладает и при необходимости сдерживается коалицией всех остальных. Такой порядок вряд ли приведет к созданию общей идеологии или универсальных институтов, но, вероятно, возникнет из-за конкуренции нескольких держав в регионе и будет препятствовать доминированию любой из них. Этот порядок будет более слабым и более гибким в сравнении с Атлантическим. Он позволит существовать разнообразию идеологий, моделей политической организации и методам организации экономики.

В этом порядке будет использоваться другой набор валют для международного обмена и резервов, возможно применение различных финансовых технологий, таких как «blockchain». Этот порядок будет строиться вокруг новых или измененных международных финансовых и торговых институтов. Он будет менее стабильным и безопасным, поскольку будет состоять из самых разных участников, которые будут бросать вызов другим народам. Вместе с тем он будет более открытым, гибким и равновесным по сравнению с существующим.

Мир наблюдает тектонические изменения в регионе, а развитие новой азиатско-тихоокеанской архитектуры – долгий процесс, который может быть завершен как мирным путем, так и возникновением силового конфликта. В прошлом в таких конфликтах и создавались новые международные порядки, но хочется надеяться, что в этот раз история найдет альтернативный путь, поскольку ядерное оружие по-прежнему препятству-

ет крупным странам вступить в прямой конфликт.

Приоритеты политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Современная российская политика, как региональная, так и глобальная, придает большое значение интеграции государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе по двум причинам. Общепринятым является понимание того, что политика России на Востоке была «...продиктована беспокойством по поводу уязвимости его малонаселенного восточного фланга и желанием оказывать влияние. Россия одновременно стремится защитить свой ландшафт, активизировать свое присутствие в Тихом океане, преодолеть зияющий разрыв между собственной политикой в отношении Азии и Европы и выяснить, как работать с Китаем и другими региональными игроками» [Hill, Lo 2013].

Можно утверждать, что истоки российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе глубже, чем указано выше. Во-первых, для России совершенно неудовлетворительной выглядит стратегическая ситуация в области безопасности. Отношения с Западом являются наихудшими за многие столетия. Участие России в мировой экономике, возглавляемой Западом, отводит страну на позицию придатка для производства сырья и энергии для Европы. Россия потеряла свой традиционный буфер безопасности на западном направлении. Посредством НАТО европейцы и американцы создали политическую и военную коалицию, включающую Россию и не оставляющую места для российского видения системы европейской безопасности, подобной Венской. Во-вторых, Россия ожи-

дает больших изменений в существующем международном порядке. Это приведет к формированию новой системы, где Россия сможет занять свое место за столом «великих держав». Этот порядок будет создаваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и по этой причине интеграция в него имеет решающее значение.

Долгосрочные цели России включают в себя становление в качестве существенной и незаменимой части системы Азиатско-Тихоокеанского региона, одного из создателей правил на данном пространстве, а также содействие эволюции этой региональной системы в глобальную. В отличие от евроатлантической системы, выстроенной вокруг США и их союзников и построенной на качествах, в которых Россия традиционно слаба, Азиатско-Тихоокеанский порядок организован вокруг принципов, близких Российской Федерации. Российское руководство полагает, что правительства в Тихоокеанском регионе будут уделять особое внимание способности контролировать территорию, централизации власти и способности государства концентрировать ресурсы на стратегических целях.

Стратегически цели России в АТР могут быть определены следующим образом.

1. Предотвращение создания гегемонистского военно-политического альянса под эгидой либо США, либо Китая. Россия заинтересована в установлении баланса сил в регионе, а не в господстве одной силы.
2. Стремление являться частью любой конфигурации архитектуры безопасности, построенной в АТР. Это означает, что страна занимает активную позицию в создании архитектуры безопасности, возглавляя ее в качестве одной из стран-основательниц.

3. Избежание чрезмерно ориентированной на любую отдельную страну внешней политики и создание прочных партнерских отношений с КНР, Южной Кореей, Японией, государствами АСЕАН и, по возможности, США.
4. Получение прямого доступа к азиатским рынкам (энергетика и сырье для экспорта, технологии и финансы для импорта), без транзитных стран или РТС.
5. Использование азиатских соседей при развитии Дальнего Востока и Сибири, но уход от монополизации этого процесса региональными державами
6. Сохранение рынков и морских путей в регионе открытыми и принятие мер по обеспечению того, чтобы Россия оставалась влиятельным участником на евразийско-тихоокеанском рынке.

Этих целей было бы проще достигнуть благодаря активному участию в азиатско-тихоокеанских институтах и, поскольку они пока отсутствуют, посредством лидерства в их создании. Россия может использовать свой опыт развития Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, опыт балансирования ЕЭС с Китайской инициативой ОПОП, опираясь на существующие институты в регионе. Еще одним преимуществом России можно считать ее «жесткую силу». Выступающая противовесом амбициям основных военных держав в регионе, Россия может служить важным поставщиком безопасности. Экономика не является одной из сильных сторон России по сравнению с ее соседями, но страна должна работать над тем, чтобы стать неотъемлемой частью азиатско-тихоокеанской рыночной структуры.

Политически, интеллектуально и организационно Россия, похоже, готова к этой миссии. После того как президент В.В. Путин объявил о «Повороте на Восток» на Петербургском международном экономическом форуме, Россия создала инновационное, частично децентрализованное Министерство развития Дальнего Востока. Россия приняла много важных инициатив по укреплению экономического развития своего Дальнего Востока, включая сеть передовых специальных экономических зон и режим «свободного порта» для Владивостока. Россия укрепила свое военное присутствие в соседствующем регионе, активизировала политический диалог не только с Китаем, но и с другими соседями, включая Японию и Республику Корея.

Поворот на Восток в России не происходит легко, западная традиция остается все еще весомой в сознании российского политического класса. Вместе с тем стратегический интерес России к АТР растет, и Россия развернулась от Запада к «восточному направлению».

Продолжается дискуссия о том, насколько успешным был поворот России в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Некоторые авторы [Коростиков 2016; Габуев 2015; Габуев 2019; Москвин, Зайнашев 2018; Иноземцев 2018] считают, что новая политика России уже провалилась из-за нехватки ресурсов, слабости экономики и неэффективной бюрократии и «России правильнее было бы укреплять партнерство со странами европейской культурной традиции, чем с Китаем» [Иноземцев 2018], в то время как другие [Караганов, Макаров 2017; Сумский 2016; Бордачев 2016] указывают на начало экономического роста на Дальнем Востоке России и растущие ПИИ из Азии. По мнению этой группы авторов, поворот России на Восток пол-

ностью соответствует магистральным тенденциям развития международных отношений последних полутора десятилетий, связанным с динамичным экономическим ростом 17 азиатских стран, и, как следствие, наращиванием ими военных, дипломатических ресурсов и даже «мягкой» силы.

Авторы по-разному оценивают степень успеха, но часто не могут определить с тем, что считать успешным. Рост торговли и инвестиций на Дальнем Востоке желателен и важен для России, при этом они не должны заслонять ее стратегическую цель, коррекцию правил мировой системы в соответствии с ее национальными интересами.

Заключение

В формирующемся азиатско-тихоокеанском порядке отношения между странами-участницами основаны на национальных интересах и балансе сил, что было характерно для международной системы на протяжении всей истории лишь с незначительными исключениями. Поскольку этот порядок не консолидируется гегемонией какой-либо единой державы или «единственно верной идеологией», проглядывает перспектива вернуться к современной версии Венской системы международных отношений с участием США, Китая, Индии, Японии, России и некоторых других влиятельных стран региона. В рамках этого порядка существенным элементом станет конкуренция государств, однако в будущем формирующийся порядок может эволюционировать в более кооперативный. В этой ситуации Россия может стать незаменимым и ценным членом новой системы МО, выступающим в качестве поставщика безопасности, а ее вклад будет вознагражден экономическими выгодами.

Тихоокеанские институты выстраиваются на системно различной от основ атлантического порядка базе. В строящемся мировом порядке Россия может стать вполне конкурентоспособной, а ее слабые стороны, какими они выступают в рамках существующей американоцентричной «либеральной» системы, будут преобразованы в активы (сильная скоординированная внешняя политика, репутация надежного партнера и союзника, высокая степень участия государства в экономике, позволяющая государству эффективно вмешиваться в экономические отношения). Участие в балансировке различных интересов в регионе поможет улучшить торговлю, инвестиции и инфраструктуру на Дальнем Востоке, хотя страна вряд ли быстро станет ведущим экономическим игроком в региональной системе. Политика Российской Федерации должна быть сосредоточена на создании институтов и обеспечении безопасности, в то время как экономические выгоды также придут, но будут на начальном этапе вытекать в основном из политической роли России в системе.

Конкурентный и меркантилистский Азиатско-Тихоокеанский регион существенно пересмотрит доминирующую сегодня в рамках Атлантического порядка систему ценностей и повысит важность факторов, которые сегодня в ней не считаются значимыми.

Список литературы

Богатуров А.Д. (1997) Великие державы на тихом океане. История и теория международных отношений в восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ.

Бордачев Т. (2016) «Меняется наша философия отношений с важнейшими региональными партне-

рами на Востоке» // Россия в глобальной политике. 25 января 2016 // <https://globalaffairs.ru/global-processes/Menyaetsya-nasha-filosofiya-otnoshenii-s-vazhneishimi-regionalnymi-partnerami-na-Vostoke-17949>, дата обращения 31.01.2019.

Братерский М.В. Национальная безопасность России: эволюция подходов (2018) // Лукин А.В. (ред.) Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения. С. 92–114.

Габуев А. (2015) Поворот в никуда. «Карнеги» на «Медузе». Александр Габуев – об итогах азиатской политики России в 2015 году // Meduza. 29 декабря 2015 // <https://meduza.io/feature/2015/12/29/povorot-v-nikuda>, дата обращения 31.01.2019.

Габуев А. (2019) Невпроворот на Восток // Московский центр Карнеги. 14 февраля 2019 // <https://carnegie.ru/2019/02/14/ru-pub-78361>, дата обращения 28.02.2019.

Гарусова Л.Н. (2010) Азиатско-тихоокеанский регион: фактор России // Вольтчук А.Б., Фролова Я.А. (ред.) Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС. С. 179–195.

Гурин Д.Р. (2015) Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Орарев-Online. № 17 // <http://journal.mrsu.ru/arts/politika-rossii-v-aziatsko-tixookeanskome-regione>, дата обращения 31.01.2019.

Иноземцев В. (2018) Очевидное и естественное: отказ от стратегий? // Российский совет по международным делам. 12 ноября 2018 // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/ochevidnoe-i-estestvennoe-otkaz-ot-strategy/?sphrase_id=22135086, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С.А. (2017) Будущий миропорядок // Российская газета. 7 сентября 2017 // <https://rg.ru/2017/09/07/karaganov-zapadu-stanovitsia-vse-trudnee-naviazuyvat-svoi-cennosti.html>, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С. (2018) К великому океану // Россия в глобальной политике. 25 сентября 2018 // <https://globalaffairs.ru/pubcol/K-Velikomu-oceanu-19768>, дата обращения 31.01.2019.

Караганов С., Макаров И. (2017) Российский поворот на Восток // Россия в глобальной политике. 27 декабря 2017 // <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rossiiskii-povorot-na-Vostok-19272>, дата обращения 31.01.2019.

Карпова Е., Мироненко П. (2009) Долгая дорога // Коммерсантъ. 27 мая 2009 // <https://www.kommersant.ru/doc/1169088>, дата обращения 31.01.2019.

Колотон Т. (2016) Эксперт: отношения России со странами АТР выйдут на новый уровень // RT. 14 декабря 2016 // <https://russian.rt.com/world/news/341364-rossiya-strany-atr>, дата обращения 31.01.2019.

Концепция Внешней политики Российской Федерации (2000) // Независимая газета. 11 июля 2000 // http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html, дата обращения 31.01.2019.

Коростиков М. (2016) Уроки китайского. Почему российский «поворот на Восток» пока не оправдывается // Коммерсантъ. 6 февраля 2016 // <https://www.kommersant.ru/doc/2910600>, дата обращения 31.01.2019.

Лабыкин А. (2014) Зачем нам нужна «Сила Сибири»? // Эксперт-Online. 8 сентября 2014 // <http://expert.ru/expert/2014/37/zachem-nam-nuzhnasila-sibiri/>, дата обращения 31.01.2019.

Лавров С.В. (2012) Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе: к миру, безопасности и устойчивому развитию // Министерство иностранных

дел РФ. 5 апреля 2012 // http://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/162134, дата обращения 31.01.2019.

Лукин А.В., Иванов А.В. (2010) Россия и АТР: перспективы сотрудничества // Вестник МГИМО. № 4. С. 15–23 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-atr-perspektivy-sotrudnichestva>, дата обращения 31.01.2019.

Мареева Ю.А. (2012) Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика) // Вестник МГИМО. № 5. С. 240–249 // <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskiy-treugolnik-rossiya-indiya-kitay-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-teoriya-i-istoricheskaya-praktika>, дата обращения 31.01.2019.

Москвин О., Зайнашев Ю. (2018) Нужен ли России поворот на Восток // Взгляд. 16 ноября 2018 // <https://vz.ru/politics/2018/11/16/950856.html>, дата обращения 31.01.2019.

Некрылов С.А., Луков Е.В. (2012) Социально-экономическое развитие в послевоенный период: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета.

Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации (1997) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, дата обращения 31.01.2019.

Панина Т. (2009) Нищета изобилия. Высокие цены на нефть могут остановить движение России к новой экономике // Российская газета. 29 октября 2009 // <https://rg.ru/2009/10/29/primakov.html>, дата обращения 31.01.2019.

Подобедова Л., Дзядко Т. (2018) Прибыльный всем подряд. Sberbank CIB проанализировал доходность трубопроводных проектов «Газпрома» // РБК. 21 мая 2018 // <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/05/21/5afc50979a79471ce133d69a/>, дата обращения 31.01.2019.

Прокопьева С. (2018) Китайцы сразу говорили: нам этот газ не нужен // Крым. Реалии. 26 февраля 2018 // <https://ru.krymr.com/a/29063381.html/>, дата обращения 31.01.2019.

Путин В.В. (2006) Выступление на совещании с послами и постоянными представителями Российской Федерации // Президент России. 27 июня 2006 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23669>, дата обращения 31.01.2019.

Путин В.В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>, дата обращения 31.01.2019.

Рокоссовская А. (2016) Эпоха несостоявшейся любви. Александр Рар: у Ангелы Меркель нет пути назад // Российская газета. 19 сентября 2016 // <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html>, дата обращения 31.01.2019.

«Сила Сибири». Крупнейшая система транспортировки газа на Востоке России (2019) // Газпром // <http://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>, дата обращения 28.02.2019.

Сумский В.В. (2016) Поворот России на Восток – измерение АСЕАН: результаты, проблемы и перспективы // ПИР-Центр. 6 июля 2016 // <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Тренин Д. (2006) Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа.

Хроника внешнеполитических событий в СССР-1986 (2010) // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) // http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29323, дата обращения 31.01.2019.

Шведов В.Г., Махинов А.Н. (2011) Российское землепроходческое движение в Приамурье (XVII век): историко-географическая ретроспектива: монография. Биробиджан: Изд-во ГОУВПО «ДВГСГА».

Acharya A. (2017) After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // Ethics and International Affairs. Carnegie Council, September 2017 // <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/>, дата обращения 31.01.2019.

Davison R. (2018) Introduction: The Asia's Pacific Century? // The New Global Politics of the Asia-Pacific – Conflict and Cooperation in the Asian Century (eds. Connors M.K., Davison R., Dosch J.), Abingdon, New York: Routledge, pp. 1–21.

Fukuyama F. (1992) The End of History and the Last Man, New York: Free Press.

Gilpin R. (1987) The Political Economy of International Relations, Princeton: Princeton University Press.

Global Trends-2025: A Transformed World (2008) // National Intelligence Council. Washington D.C.: US Government Printing Office. November 2008. NIC 2008–003 // https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_global_trends_2025.pdf, дата обращения 31.01.2019.

Haass R. (2008) The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs, vol. 87, no 3, pp. 44–56 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>, дата обращения 31.01.2019.

Hemmer C., Katzenstein P. (2002) Why is There no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism // International Organization, vol. 56, no 3, pp. 575–607.

Hill F., Lo B. (2013) Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East // Foreign Affairs, July 31, 2013 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2013-07-31/putins-pivot>, дата обращения 31.01.2019.

Huntington S. (1999) The Lonely Superpower // *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, pp. 35–49 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/1999-03-01/lonely-superpower>, дата обращения 31.01.2019.

Ilyin M. (1975) The History of Fort Ross // Fort Ross Conservancy Library // <https://www.fortross.org/lib/39/the-history-of-fort-ross.pdf>, дата обращения 31.01.2019.

Kennedy P. (1987) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Random House.

Keohane R. (1984) *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton: Princeton University Press.

Kissinger H. (2015) *World Order*, New York: Penguin Books.

Krickovic A. (2015) All Politics is Regional: Emerging Powers and the Regionalization of Global Governance // *Journal of Global Governance*, vol. 21, no 4, pp. 557–577. DOI: 10.1163/19426720-02104005

Mankoff J. (2015) Relations with the European Union // *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain* (ed. Wegren S.K.), Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Mazarr M.J. (2017) The Once and Future Order: What Comes After Hegemony? // *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 25–32 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/once-and-future-order>, дата обращения 31.01.2019.

Mearsheimer J. (1995) The False Promise of International Institutions // *International Security*, vol. 10, no 3, pp. 5–49.

Nye J. (2017) Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 10–16 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive>, дата обращения 31.01.2019.

Pipes R. (1997) *Russia under the Old Regime*, London: Penguin Books.

Regional Economic Outlook: Sub-Saharan Africa Capital Flows and The Future of Work (2018) // *International Monetary Fund* // <https://www.imf.org/en/Publications/REO/SSA/Issues/2018/09/20/sreo1018>, дата обращения 31.01.2019.

Wæver O. (2017) International Leadership after the Demise of the Last Superpower: System Structure and Stewardship // *Chinese Political Science Review*, vol. 2, no 4, pp. 452–476. DOI: 10.1007/s41111-017-0086-7

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Russia between Two Systems: Transit from The Atlantic World into the Eurasian-Pacific One

Maksim V. BRATERSKY

DSc in Politics, Leading Researcher, Head of Sector, Department of Europe and America

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, INION RAN of the Russian Academy of Sciences, 117997, Nakhimovskij Av., 51/21, Moscow, Russian Federation;

Professor of the Faculty of World Economy and International Affairs, Leading Researcher, Center for Comprehensive European and International Studies National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: bratersky@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2966-0056

Georgy I. KUTYREV

PhD in Politics, Researcher, Department of International Relations

National Research University Higher School of Economics, 119017, Malaya Ordynka St., 17, Moscow, Russian Federation

E-mail: kutyrevgeorge@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5580-8822

CITATION: Bratersky M.V., Kutyrev G.I. (2019) Russia between Two Systems: Transit from The Atlantic World into the Eurasian-Pacific One. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 220–240 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-220-240

Received: 30.10.2018.

This article was prepared with the support of RFBR grant 19-014-00038 «Security Architecture in Greater Eurasia: state, prospects and opportunities for Russia».

ABSTRACT. *The article analyzes Russia's policy from the point of view of goals formulated by the government in response to challenges in international politics, economics and security, as well as challenges associated with the threat of losing the status of a great power, maintaining territorial integrity and independence. Russia's dissatisfaction with the existing order of things – when*

its interests were not taken into account, and the West did not set any limits for itself, advancing its geopolitical interests – had been growing for a long time, however, most clearly manifested itself in the landmark 2014 when Western sanctions after the Crimean events pushed the Russian authorities and business to more active in the Asia-Pacific.

The authors formulate a number of signs of the new regional order of the Asia-Pacific countries, which may develop into a new international (global) order. This type of system, according to the authors, will be more competitive and less hierarchical, within its framework there will not be a single dominant force or ideology, it will be based on a multitude of centers of power. Such a world order is more attractive for Russia than the unipolar Atlantic order. It will give the country the opportunity to use its own comparative advantages, such as territory, resources, hard power, a fairly rigid political organization and the ability to mobilize resources for strategic purposes. Nevertheless, it is important to understand that the modern non-Western world is still very amorphous, its future contours are blurred, and Asian business is still weakly responding to the Russian “turn to the East”.

KEY WORDS: *Russia, the Russian Far East, the United States, the Asia-Pacific region, regional security, national interest, challenges and threats, “turn to the East”*

References

- Acharya A. (2017) After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics and International Affairs*. Carnegie Council, September 2017. Available at: <https://www.ethicsandinternationalaffairs.org/2017/multiplex-world-order/>, accessed 31.01.2019.
- Bogaturov A.D. (1997) *The Great Powers in the Pacific Ocean History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)*, Moscow: Envelope – MONF (in Russian).
- Bordachev T. (2016) Our Philosophy of Relations with the Most Important Regional Partners in the East Is Changing. *Russia in Global Politics*, January 25, 2016. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Menyaetsya-nasha-filosofiya-otnoshenii-s-vazhneishimi-regionalnymi-partnerami-na-Vostoke-17949>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Bratersky M.V. (2018) National Security of Russia: Evolution of Approaches. *New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia* (ed. Lukin A.V.), Moscow: International Relations, pp. 92–114 (in Russian).
- Chronicle of Foreign Policy Events in the USSR-1986 (2010). *International Fund for Socio-Economic and Political Science (Gorbachov Fund)*. Available at: http://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29323, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Davison R. (2018) Introduction: The Asia’s Pacific Century? *The New Global Politics of the Asia-Pacific – Conflict and Cooperation in the Asian Century* (eds. Connors M.K., Davison R., Dosch J.), Abingdon, New York: Routledge, pp. 1–21.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press.
- Gabuev A. (2015) The Carnegie Turn to Nowhere on the Medusa. Alexander Gabuev – on the Results of the Asian Policy of Russia in 2015. *Meduza*, December 29, 2015. Available at: <https://meduza.io/feature/2015/12/29/povorot-v-nikuda>, accessed 31.01.2019 (in Russian).
- Gabuev A. (2019) Overthrow to the East. *Carnegie Moscow Center*, February 14, 2019. Available at: <https://carnegie.ru/2019/02/14/ru-pub-78361>, accessed 28.02.2019 (in Russian).
- Garusova L.N. (2010) Asia-Pacific Region: Russia’s Factor. *Geopolitical Potential of Transboundary Cooperation of Asia-Pacific Countries: monograph* (eds. Volynchuk A.B., Frolov Ya.A.), Vladivostok: Dal’nauka, Publishing house VSUES, pp. 179–195 (in Russian).
- Gilpin R. (1987) *The Political Economy of International Relations*, Princeton: Princeton University Press.
- Global Trends-2025: A Transformed World (2008). *National Intelligence Council*.

Washington D.C.: US Government Printing Office. November 2008. NIC 2008-003. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_global_trends_2025.pdf, accessed 31.01.2019.

Gurin D.R. (2015) Russia's Policy in the Asia-Pacific Region. *Ogarev-Online*, no 17. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/politika-rossii-v-aziatsko-tixookeanskom-regione>, accessed 31.01.2019.

Haass R. (2008) The Age of Nonpolarity. *Foreign Affairs*, vol. 87, no 3, pp. 44–56. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>, accessed 31.01.2019.

Hemmer C., Katzenstein P. (2002) Why is There no NATO in Asia? Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism. *International Organization*, vol. 56, no 3, pp. 575–607.

Hill F., Lo B. (2013) Putin's Pivot: Why Russia Is Looking East. *Foreign Affairs*, July 31, 2013. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2013-07-31/putins-pivot>, accessed 31.01.2019.

Huntington S. (1999) The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, vol. 78, no 2, pp. 35–49. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower>, accessed 31.01.2019.

Ilyin M. (1975) The History of Fort Ross. *Fort Ross Conservancy Library*. Available at: <https://www.fortross.org/lib/39/the-history-of-fort-ross.pdf>, accessed 31.01.2019.

Inozemtsev V. (2018) The Obvious and Natural: Rejection of Strategies? *The Russian International Affairs Council*, November 12, 2018. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/ochevidnoe-i-estestvennoe-otkaz-ot-strategy/?sphrase_id=22135086, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S.A. (2017) The Future World Order. *Rossijskaya gazeta*, September 7, 2017. Available at:

<https://rg.ru/2017/09/07/karaganov-zapadu-stanovitsia-vse-trudnee-naviazivat-svoi-cennosti.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karaganov S. (2018) To the Great Ocean. *Russia in Global Politics*, September 25, 2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/pubcol/K-Velikomu-oceanu-19768>, accessed 28.02.2019 (in Russian).

Karaganov S., Makarov I. (2017) Russian Turn to the East. *Russia in Global Politics*, December 27, 2017. Available at: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Rossiiskii-povorot-na-Vostok-19272>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Karpova E., Mironenko P. (2009) Long Road. *Kommersant*, May 27, 2009. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1169088>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Kennedy P. (1987) *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, New York: Random House.

Keohane R. (1984) *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton: Princeton University Press.

Kissinger H. (2015) *World Order*, New York: Penguin Books.

Koloton T. (2016) Expert: Russia's Relations with the Countries of the Asia-Pacific Region Are Reaching a New Level. *RT*, December 14, 2016. Available at: <https://russian.rt.com/world/news/341364-rossiya-strany-atr>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Korostikov M. (2016) Chinese Lessons Why the Russian "Turn to the East" Is not Being Justified yet. *Kommersant*, February 6, 2016. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2910600>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Krickovic A. (2015) All Politics is Regional: Emerging Powers and the Regionalization of Global Governance. *Journal of Global Governance*, vol. 21, no 4, pp. 557–577. DOI: 10.1163/19426720-02104005

Labykin A. (2014) Why Do We Need the “Power of Siberia”? *Expert-Online*, September 8, 2014. Available at: <http://expert.ru/expert/2014/37/zachem-nam-nuzhna-sila-sibiri>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Lavrov S.V. (2012) Russia's Policy in the Asia-Pacific Region: on Peace, Security and Sustainable Development. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, April 5, 2012. Available at: http://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/162134, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Lukin A.V., Ivanov A.V. (2010) Russia and the Asia-Pacific Region: Prospects for Cooperation. *Vestnik MGIMO*, no 4, pp. 15–23. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-atr-perspektivy-sotrudnichestva>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Mankoff J. (2015) Relations with the European Union. *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain* (ed. Wegren S.K.), Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.

Mareeva Yu.A. (2012) Strategic Triangle “Russia-India-China” in International Relations (Theory and Historical Practice). *Vestnik MGIMO*, no 5, pp. 240–249. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskij-treugolnik-rossiya-indiya-kitay-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-teoriya-i-istoricheskaya-praktika>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Mazarr M.J. (2017) The Once and Future Order: What Comes After Hegemony? *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 25–32. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/once-and-future-order>, accessed 31.01.2019.

Mearsheimer J. (1995) The False Promise of International Institutions. *International Security*, vol. 10, no 3, pp. 5–49.

Moskvin O., Zajnashev Yu. (2018) Does Russia Need a Turn to the East. *Vzglyad*, November 16, 2018. Available at: <https://vz.ru/politics/2018/11/16/950856.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Nekrylov S.A., Lukov E.V. (2012) *Socio-economic Development in the Postwar Period: Studies Allowance*, Tomsk: Publishing house Tomsk university (in Russian).

Nye J. (2017) Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs*, vol. 96, no 1, pp. 10–16. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive>, accessed 31.01.2019.

On Approval of the Concept of National Security of the Russian Federation (1997). *President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Panina T. (2009) Poverty of Abundance. High Oil Prices Can Stop the Movement of Russia to the New Economy. *Rossiyskaya gazeta*, October 29, 2009. Available at: <https://rg.ru/2009/10/29/primakov.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Pipes R. (1997) *Russia under the Old Regime*, London: Penguin Books.

Podobedova L., Dzyadko T. (2018) Profitable All in a Row. Sberbank CIB Analyzed the Profitability of Gazprom's Pipeline Projects. *RBC*, May 21, 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/05/21/5afc50979a79471ce133d69a/>, accessed 28.02.2019 (in Russian).

Prokop'eva S. (2018) The Chinese Immediately Said: We don't Need This Gas. *Crimea. Realities*, February 26, 2018. Available at: <https://ru.krymr.com/a/29063381.html/>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Putin V.V. (2006) Speech at a Meeting with Ambassadors and Permanent Representatives of the Russian Federation *President of Russia*, June 27, 2006. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23669>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Putin V.V. (2007) Speech and Discussion at the Munich Security Policy Conference. *President of Russia*, February 10, 2007. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Regional Economic Outlook: Sub-Saharan Africa Capital Flows and The Future of Work (2018). *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/REO/SSA/Issues/2018/09/20/sreo1018>, accessed 31.01.2019.

Rokossovskaya A. (2016) Epoch of Failed Love. Alexander Rahr: Angela Merkel Has no Way back. *Rossiyskaya gazeta*, September 19, 2016. Available at: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

Shvedov V. G., Makhinov A.N. (2011) *Russian Land Movement in the Amur Region (XVII century): Historical and Geographical Retrospective: Monograph*, Birobidzhan: Publishing house of the state educational institution of higher professional education "DVGSGA" (in Russian).

Sumsky V.V. (2016) The Turn of Russia to the East – the Measurement of ASEAN: Results, Problems and Pros-

pects. *PIR-Center*, July 6, 2016. Available at: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf>, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2000). *Nezavisimaya gazeta*, July 11, 2000. Available at: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html, accessed 31.01.2019 (in Russian).

The Power of Siberia. The Largest Gas Transportation System in the East of Russia (2019). *Gazprom*. Available at: <http://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/>, accessed 28.02.2019 (in Russian).

Trenin D. (2006) *Integration and Identity: Russia as a "New West"*, Moscow: Europe (in Russian).

Wæver O. (2017) International Leadership after the Demise of the Last Superpower: System Structure and Stewardship. *Chinese Political Science Review*, vol. 2, no 4, pp. 452–476. DOI: 10.1007/s41111-017-0086-7